

ХМУРЫЕ БУДНИ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Ее солдаты, прорабы
и невольные участники

Сборник статей

**Хмурые будни холодной
войны. Ее солдаты, прорабы
и невольные участники**

«Русский фонд содействия образованию и науке»

2012

Сборник статей

Хмурые будни холодной войны. Ее солдаты, прорабы и невольные участники / Сборник статей — «Русский фонд содействия образованию и науке», 2012

ISBN 978-5-91244-067-0

Данный сборник составлен по материалам докладов, прозвучавших на конференции по «холодной войне», проведенной Университетом Дмитрия Пожарского 6–7 февраля 2010 года. Эта конференция являлась первым шагом в инициированной Университетом Дмитрия Пожарского программе по изучению истории послевоенного периода. В сборнике представлены статьи ведущих специалистов по истории двадцатого века, истории спецслужб и военной истории. Авторы затрагивают различные аспекты «холодной войны» от анализа идеологических диверсий в сфере культуры и искусства, до изучения процесса формирования оборонной промышленности и деятельности разведки. В сборнике представлены статьи посвященные анализу локальных военных конфликтов, в которых прямо или косвенно были задействованы противоборствующие державы, делаются попытки выявления причин поражения Советского Союза в «холодной войне».

ISBN 978-5-91244-067-0

© Сборник статей, 2012
© Русский фонд содействия
образованию и науке, 2012

Содержание

Жизнь и деятельность Дмитрия Ильича Козлова	6
Из истории неофициального искусства СССР и Чехословакии 1970-х годов	9
СССР и война в Корее: новые подходы	17
Постановление ЦК и СМ СССР «О судах чести в министерствах СССР и центральных ведомствах» 28 марта 1947 г.	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Хмурые будни холодной войны. Ее солдаты, прорабы и невольные участники

Печатается по решению Ученого совета Университета Дмитрия Пожарского

© Коллектив авторов, 2012

© Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012

© Степанов А.С., составитель, 2012

© Яворский И.Р., дизайн макета и верстка, 2012

Жизнь и деятельность Дмитрия Ильича Козлова

Андреев С.В.

Долгое время имя Д.И. Козлова оставалось неизвестным даже людям так или иначе связанным с ракетно-космической техникой как в силу закрытости данной отрасли, так и характера решавшихся им задач. Тем не менее, вклад этого человека в мировую космонавтику весьма значителен. Более того, со временем техника, разработанная под руководством Дмитрия Ильича, стала играть ключевую роль на основных направлениях внешнеполитической деятельности нашей страны и послужила одной из основных составляющих национальных средств контроля за процессом разоружения.

Д.И. Козлов родился в станице Тихорецкой Краснодарского края в семье плотника. Среднюю школу окончил в Грозном. Мечтая стать моряком, после окончания школы в 1936 отправился в Ленинград в училище им. Дзержинского, но не прошел по зрению. На следующий год ему удалось поступить в Ленинградский военно-механический институт на артиллерийское отделение.

Война прервала обучение. На фронт Д.И. Козлов ушел добровольцем в июле 1941 г., несмотря на бронь. В середине того же месяца принял участие в уничтожении немецкого десанта под Лугой. Вопреки попыткам командования оставить его в тылу, упорно добивался отправки в действующие части РККА. Старший брат, ротный политрук, погиб в самом начале войны. Потом война унесла и младшего брата.

Своего добился – служил в морской пехоте. Воевал под Тихвином, на Ораниенбаумском «пяточке», участвовал в прорыве линии Маннергейма, служил в подразделениях, обеспечивающих работу Дороги жизни Ленинграда.

В августе 1942 г. вступил в ВКП(б). Был трижды ранен, потерял руку. В сентябре 1944 г. Козлова демобилизовали из армии по состоянию здоровья. Всего в РККА он прослужил 3 года 2 месяца.

После окончания института (защитил диплом в декабре 1945 г.) проходил обучение на курсах по ракетной технике. В день рождения Красной Армии – 23 февраля 1946 г. – женился.

15 мая 1946 г. был принят на работу инженером-конструктором на завод № 88 (ст. Подлипки). В июле 1946 г. был направлен в Германию в составе первой группы советских гражданских специалистов для изучения немецкой ракетной техники. Первым непосредственным руководителем Козлова был РФ. Аппазов, впоследствии крупный специалист по динамике полета. В основном Д.И. Козлов с женой жил и работал в г. Нордхаузен, в частности, занимаясь пневмогидросистемой ракеты А-4 (его супруга занималась баками.) Часто выезжал в другие места, например – в Бляйхероде. Будучи секретарем парторганизации, там же в Германии познакомился с С.П. Королёвым. В дальнейшем работал в ОКБ-1 под его руководством.

С 28 августа 1948 г. – начальник группы. С 30 июня 1951 г. – ведущий конструктор отдела 4 ОКБ-1 НИИ-88. После выделения ОКБ-1 из состава НИИ-88 в самостоятельную организацию продолжил работать ведущим конструктором. В этом качестве участвовал в работах по ракете Р-5.

В апреле 1958 г. Козлов становится заместителем главного конструктора (приказ № 8 от 11.04.1958). В ноябре 1961 г. – главным конструктором и начальником филиала ОКБ-1, созданного в Куйбышеве (ныне г. Самара) на Первом авиационном заводе для организации производства первой в мире межконтинентальной баллистической ракеты Р-7 в роли ведущего конструктора. Ему удалось создать жизнеспособный коллектив ракетчиков в основном из местных кадров.

Серьезной проверкой для молодого коллектива и для его руководителя стала ракета Р-9 (8К75), освоение производства которой пришлось на конец 1950-х – начало 1960-х гг. В процессе изготовления в «полностью готовый проект» пришлось вносить десятки тысяч изменений, дабы изделие не просто пошло в производство, но и было эффективным.

Кроме того, филиал № 3 ОКБ-1 (впоследствии ставший самостоятельной организацией) получил и работы по спутникам наблюдения «Зенит-2», на долгие годы определившие основные направления деятельности Дмитрия Ильича и возглавляемого им коллектива. Следует заметить, что Д.И. Козлов изначально не хотел заниматься спутниками. «Зенит-2», создававшийся почти в одно и то же время с гагаринским «Востоком», при всем внешнем сходстве был намного более сложным аппаратом. Так, если для космонавта считалась приемлемой температура от -40 до +40 °С, то фотопленка допускала колебания всего в полградуса. Кроме того, для фотографирования требовалась совершенно другая система ориентации, ибо аппарат надо было не только точно развернуть в нужном направлении, но и удерживать в нем определенное время.

Именно Д.И. Козлов был выбран Королёвым для того, чтобы возглавить работы по комплексу ракеты Н-1.

Под руководством Д.И. Козлова в конце 1960-х гг. были разработаны проекты пилотируемых космических кораблей специального назначения. К сожалению, на стадии макета и отбора кандидатов в космонавты эта весьма перспективная разработка была прекращена. Однако на основе накопленного опыта был создан космический аппарат «Янтарь», на долгие годы ставший одним из основных средств космической разведки.

Большое внимание Дмитрий Ильич уделял подготовке инженерных кадров. В октябре 1980 г. он возглавил созданную кафедру летательных аппаратов Куйбышевского авиационного института.

Приказом министра общего машиностроения СССР О.Д. Бакланова № 123 от 6 июля 1983 г. Д.И. Козлов назначается генеральным конструктором ЦСКБ.

Д.И. Козлов был одним из последовательных противников создания системы «Энергия-Буран». Под его руководством в 1970-е гг. был разработан проект РН «Подъем». Однако было сочтено целесообразным передать данную тематику ОКБ «Южное», где с использованием материалов ЦСКБ была создана РН «Зенит». Вместе с тем куйбышевский коллектив стал, пожалуй, единственной организацией, сумевшей в срок разработать полезную нагрузку для отечественного многоразового корабля.

Видя, что спутники с пленочными фотокамерами перестают отвечать современным требованиям, Д.И. Козлов приложил максимум усилий для создания аппаратов нового поколения – с оптоэлектронными телескопами и сливом информации по радиоканалу.

Основными заказчиками космических аппаратов Д.И. Козлова всегда были военные, поэтому, несмотря на высокую степень преемственности, приходилось укладываться в жесткие сроки и удовлетворять высочайшим требованиям, предъявляемым к получаемой информации.

Д.И. Козлов обладал потрясающей технической интуицией, прагматическим взглядом на вещи и неиссякаемой энергией, что позволило ему долгое время руководить ЦСКБ. Жесткий стиль руководства, соответствовавший той эпохе, когда Д.И. Козлов пришел в ракетную технику, плохо вписывался в реалии изменившейся жизни к началу 1990-х гг. Тем не менее ему удалось сохранить ЦСКБ.

В 2003 г. Д.И. Козлов ушел с занимаемого поста по состоянию здоровья, но был назначен почетным генеральным конструктором. Несмотря на возраст, он регулярно приезжал в ЦСКБ и принимал посильное участие в решении технических вопросов. Скончался в 2009 г., похоронен в Самаре.

Из истории неофициального искусства СССР и Чехословакии 1970-х годов

Гончарова Н.В.

В конце 1970-х годов Советский Союз находился в непростой ситуации. В феврале 1979 г. началась вьетнамо-китайская война – первая в мире война между двумя социалистическими странами, что резко осложнило и советско-китайские отношения. В декабре того же года советские войска были введены в Афганистан, что привело к множеству негативных последствий, в том числе и к бойкоту более чем шестью десятками стран Московской Олимпиады 1980 г. – первых в истории Олимпийских игр, проводимых в социалистической стране. Сложная обстановка также сложилась и в Восточной Европе. Вследствие нарастающего экономического и политического кризиса в Польше, в 1980 г., после серии массовых общенациональных забастовок, проведённых в знак протеста против летнего повышения цен на мясо, был отправлен в отставку первый секретарь ЦК ПОРП Эдвард Терек. Именно тогда родился знаменитый профсоюз «Солидарность» под руководством Леха Валенсы. До введения военного положения в этой стране оставалось чуть больше года.

Сосредоточившись на изучении различных военных, экономических и политических проблем этого важного периода холодной войны, отечественные исследователи практически не обращаются к вопросу об истории творческих контактов между представителями неофициального искусства из СССР и из стран соцлагеря. Между тем изучение этой темы дает интересный фактический материал, связанный не только с жизнью и творчеством самих носителей этого искусства, но и с воспроизведением культурной атмосферы того времени, с оценкой представителями интеллигенции разных стран роли СССР и Запада в происходящих политических и культурных процессах, с работой спецслужб соцстран по контролю за любыми проявлениями инакомыслия даже в такой необычной и малочисленной среде.

Используя как источник воспоминания участников этих событий – Натальи Абалаковой и Анатолия Жигалова, мы постараемся рассказать о поездке во второй половине 1980 г. в Чехословакию к своим коллегам группы художников из Советского Союза. Необходимо хотя бы коротко упомянуть о художественном направлении, которое они представляли.

В конце 1960-х годов ряд американских художников, например, Роберт Смитсон и Майкл Хайзер, Джеймс Таррелл и Уолтер де Мариа, удалились в обширные пространства пустынь американского Запада и создали первые произведения в жанре лэнд-арта. Лэнд-арт – направление в искусстве, в котором создаваемое художником произведение было неразрывно связано с природным ландшафтом. Подобные произведения не были по отношению к ландшафту внешними или привнесёнными, природная среда использовалась, скорее, как форма и средство создания произведения. Часто работы выполнялись на открытом и удалённом от населённых мест пространстве, в котором оказывались предоставленными самим себе и действию природных сил. Так, Роберт Смитсон (Robert Smithson) создавал свои произведения в самых недоступных и отдаленных местах – Большом Соленом озере в штате Юта, пустынных районах Техаса или Юкатана в Мексике, вторгаясь в «пограничные области, лишённые фокуса».

Своими проектами западные лэнд-артисты в поисках альтернативы коммерческому искусству, заполонившему мир, протестовали против современной городской цивилизации, эстетики металла и пластика, против приземленного «утилитаризма искусства» в потребительском обществе и конфликта современной цивилизации (и искусства) с окружающей средой.

Эти процессы нашли свое отражение и в социалистическом лагере, например, в ЧССР, и, в частности, в восточной части федерации. То, что происходило в Словакии в 1960-1980-

е годы, фактически развивалось параллельно американским процессам с учетом словацкой специфики, в которой земля была главным достоянием и ресурсом. В практике словацких художников данного направления речь шла о более политизированном отношении к экологическим и этическим проблемам, связанным с окружающей средой – именно эти темы они часто обсуждали на своих неофициальных встречах. Интересно отметить, что в Программе действий Коммунистической партии Чехословакии, принятой на Пленуме ЦК КПЧ 5 апреля 1968 г., в характеристике основных черт экономического кризиса отмечалось и «отсутствие культуры окружающей среды» – формулировка явно невозможная для употребления в партийных документах СССР того же периода¹.

Говоря о словацких мастерах лэнд-арта эпохи социализма, куратор Д. Чарна отмечала: «Многие авторы воспринимали природную среду как место самоотождествления, в которое они убегали из чуждой городской среды. Природа, которая была вне государственного контроля, могла стать естественным убежищем для «скрытого» представления, но действия на природе обычно проводились конфиденциально, с участием только близкого круга художников или приглашенных участников, или просто наедине с самим собой. Произведения в жанре лэнд-арта в Словакии не предназначались для публичного представления в галереях. Если в то время художники отказывались следовать догме социалистического реализма, они не могли рассчитывать на экспозицию в официальных выставочных залах, трудно даже было представить возможность какой-либо публичной демонстрации»².

По мере перемещения по линии «Запад – Восток» лэнд-арт становился все более политизированным. Этому способствовала иная атмосфера, сопровождавшая творческую деятельность в СССР не только по сравнению с США, но и с соседней Чехословакией. Представителей неофициальной части творческой интеллигенции из Советского Союза в 1970-е годы вопросы экологии волновали гораздо меньше, чем свобода творческого самовыражения. Вполне естественно, что соответствующие советские спецслужбы гораздо «плотнее» контролировали крупные культурные центры, чем загородную или сельскую местность. Поэтому не является случайным, что среди ряда неофициальных художников наметилась тенденция перемещаться «на природу», подальше от контроля властей. Это имело некоторое сходство с процессами, которые происходили в Словакии, с той только разницей, что реакция властей СССР на подобные действия ряда художников (равно как и действия последних) были более жесткими, чем у западных соседей по соцлагерю. В отличие от своих словацких коллег, советские «неофициалы» изначально не имели альтернативной возможности легально и широко масштабировать свое творчество. Это был не свободный, но вынужденный выбор ухода из существования в стиснутых рамках номенклатурной среды.

В 1975 году из числа последователей Виталия Комарова и Александра Меламида образовалась группа «Гнездо», а ее участники изначально демонстрировали новый тип поведения, выходящий за рамки соц-арта. Фактически они стали пионерами акционистской деятельности в СССР. Уже в таких акциях как «Оплодотворение земли» (1976), «Помощь советской власти в битве за урожай» (1976) обнаруживается провокационный и комедийный аспект самого действия, эффективное доведение до абсурда любой идеологии.

Акция «Помощь советской власти в битве за урожай» была проведена в одном из колхозов Подмосковья. Художники пахали, сеяли, жали и поедали свой урожай, призывая соотечественников организовывать подобные «тройки» в помощь своей стране. В «Оплодотворении земли» культ природы и плодородия обыгрывался в ироническом взаимодействии со стандартными советскими лозунгами «Все на битву за урожай!» и «Искусство – народу». Симбиоз символики «плодородия» и незлой иронии над аграрной политикой страны выглядел весьма удачным. В данном случае также налицо было скрытое издевательство над неуклюжей и беспотолковой советской пропагандистской машиной.

В 1976 году в СССР родилась творческая группа «Коллективные действия» (КД), которая практиковала различные акции, прямо называя их «поездки за город». Природная среда для них выступала в качестве альтернативной сцены.

В Воронцовском парке в том же году Михаил Чернышев и Борис Бич развернули композицию из киперной ленты – увеличенную копию представленной рядом картины. Она крепилась на небольших колышках и была в несколько раз больше оригинала. Акция базировалась на принципе «удвоения», которые Чернышев ввел уже в шестидесятые годы как своего рода ироничную метафору бесконечности в постоянном делении, перенесенную в пространство реального пейзажа. Примечательно, что картины были аккуратно прислонены к дереву, не было забито ни одного гвоздя, так как действовать приходилось очень осторожно, под бдительным контролем сотрудников КГБ, организовавших рядом «спортивные состязания».

Перейдем к творчеству Натальи Абалаковой³ и Анатолия Жигалова⁴. С конца 1970-х они совместно разрабатывают и приступают к реализации долгосрочного концептуального Проекта «Исследования Существа Искусства применительно к Жизни и Искусству» – Тотальное Художественное Действие, с 1983 г. – ТОТАРТ. Работая на гипотетической границе, разделяющей искусство и жизнь, они изучают проблему этой границы. С 1970-х годов они поддерживали активные связи со словацкими и чешскими художниками. Акция «Солнцеворот» (22 июня 1980 г., Москва) была проведена именно по предложению последних. Летом того же года Н. Абалакова и А.И. Жигалов получили приглашение посетить Чехословакию.

Анатолий Жигалов вспоминал: «Поездка в Прагу началась, пожалуй, на несколько месяцев раньше самой поездки. В начале июня 1980 года пришло известие от пражских и братиславских художников, с творчеством которых нас знакомил Индржих Халупецкий⁵ и с которыми нам еще предстояло познакомиться лично. Это было предложение сделать какую-нибудь работу или акции 22 июня. И вот 22 июня, начиная с полуночи, мы каждый час ходили с громоздким фотоаппаратом на треноге и снимали «найденный объект» – железную канистру из-под краски, обитавшую на тогда еще не застроенном поле напротив нашего дома в Орехово-Борисово. И каждый час мы проявляли стеклянные пластинки, промывали их в ванной и тут же печатали контактным способом... Через несколько дней в Прагу по «воздушному обмену» уезжали Илья и Вика Кабаковы. Мы договорились приехать на Киевский вокзал. Можно представить себе изумление Ильи, когда буквально за несколько минут до отхода поезда в их купе врывается пара безумцев с коробками с пластинками и фотографиями – «для наших чешских и словацких друзей»... Наверное, это было незабываемое зрелище»⁶.

Из воспоминаний Н. Абалаковой и А. И. Жигалова: «Лето 1980 года оказалось чреватое многими судьбоносными событиями: мы впервые, сами того не ожидая, получили приглашение посетить Чехословакию, и, – что было еще более невероятно, учитывая наше неучастие ни в одной творческой организации, кроме Горкома графиков – получили заграничные паспорта, дававшие возможность эту поездку осуществить. Этому событию предшествовала многолетняя и интенсивная переписка с Индржихом Халупецким, известным чешским культурологом и историком искусства.

Мы были приглашены по инициативе Индржиха, но как частные лица – так было проще, да и Халупецкий к тому времени не имел никаких официальных постов и был фигурой для властей неуютной»⁷.

Н. Абалакова отмечала следующее: «Но... нельзя не признать тот факт, что Индржих и другие чешские друзья не оставляли нас без информативной поддержки в период тотальной цензуры на любые формы и выражения инакомыслия и «железного занавеса»: они нам прислали огромное количество книг по структурализму и теории искусства. Многие из этих публикаций нами было переведено с французского и английского языка для Библиотеки им. Ленина (был там такой реферативный отдел), но, главное – это делалось для друзей»⁸.

Для советских властей эти люди вряд ли могли считаться лояльными. Достаточно только сказать, что А.И. Жигалов публиковался в основанном в 1974 г. христианско-либеральном журнале «Континет» – литературном органе русской европейской эмиграции, издаваемом в Париже, за чтение которого в Советском Союзе можно было получить тюремный срок. Обстановка внутри страны для «инакомыслящих» в это самое время была весьма напряженная. Так, А.В. Шубин указывает, что именно «на 1980 г. приходится беспрецедентный с 1974 г. рост осуждений по 70-й статье УК, вал арестов начался с января 1980 г.». Он связывает разгром диссидентского движения с началом нового витка «холодной войны» в декабре 1979 г. «Изменение международной ситуации, неконтролируемый рост инакомыслия, в условиях кризиса системы «застоя» убедил Политбюро, что с оппозицией пора кончать»⁹.

Возникает вопрос – почему же «неблагонадежные» Н. Абалакова и А.И. Жигалов в атмосфере обострившейся в СССР борьбы с инакомыслием с такой легкостью получили от официальных властей разрешение на поездку в Чехословакию к таким же «неблагонадежным деятелям» как Халупецкий и его окружение (о чем соответствующие органы, наверняка, были осведомлены)?

Можно сделать несколько предположений. Первое (и наиболее вероятное) заключается в том, что соответствующие спецслужбы вели наиболее активную работу по совершенно иному направлению. По данным В.А. Козлова, после знаменитого теракта в московском метро в 1977 г. («Дело Затикьяна») докладные записки КГБ в ЦК КПСС все больше сосредотачиваются на вне-диссидентской тематике, в которую входили подпольные организации, террористические акты или их подготовка, возрождение националистического подполья на окраинах и развитие русского национализма в России¹⁰. Остатки смятого правозащитного движения (о политических арестах уже говорилось выше) беспокоили власть в меньшей степени. Еще одно обстоятельство (кстати, не противоречащее первому предположению) – с 19 июля по 3 августа 1980 года в Москве проходили Олимпийские игры, и официальные структуры были заинтересованы в «разгрузке» города от не внушающих политического доверия людей во избежание возможных контактов последних с резко возросшим количеством иностранцев. Не исключено также, что Н. Абалакову и А.И. Жигалова согласованно «передали» под контроль Государственной безопасности ЧССР (Statni Bezpecnost¹¹) во время их пребывания на территории этой страны.

Н. Абалакова и А.И. Жигалов приводят весьма интересные детали о своей поездке: «Сейчас... как мы об этом жалеем – у нас нет ни одной его¹² фотографии – разве тогда могло прийти в голову, что они могут когда-то понадобиться... Середина семидесятых, когда мы с ним познакомились у художника Эдуарда Штейнберга¹³, была временем культа человеческих отношений и общения (что бы под этим ни понималось), а не «регистрационной чумы» надсадного документирования этих отношений. Это было время распознавания «своих» (среди чужих), а не музейфикации или институционализации дружбы и взаимной симпатии. Сама западная культура (а мы считали Индржиха ее представителем) тогда представлялась нам динамичной конструкцией, чем-то вроде мозаики или пазла, эдакой номадической реальностью, где не было «табелы о рангах», рейтингов, «первых и последних». И для нас не существовало даже самого понятия Востока и Запада, и уж тем более Россию мы никак не рассматривали как подсознания последнего – словом, наше видение мировой культуры и чешской (как ее части) было в высшей степени утопическим.

Реалист Индржих, преисполненный отвращения к потребительской и «нормализующей» культуре Запада (по его мнению), убивающей все самое лучшее в художнике, в отличие от нас, возлагал все надежды на «свет с Востока». Возможно, он тогдашнюю ситуацию видел несколько иначе, чем мы – и в нашей переписке мы с ним спорили и полемизировали, воображая себе,

что в его лице мы общаемся с недоступным «другим» – нашими виртуальными западными друзьями, единомышленниками, коллегами и в какой-то степени «товарищами по несчастью».

Но совсем скоро, уже в Праге, в обществе художников, занимающихся перформансом, мы поняли, что многие термины культуры мы понимаем по-разному.

Будучи признанным знатоком и интерпретатором творчества Марселя Дюшана, Индржих с некоторым предубеждением относился к новым жанрам – акциям и перформансам и, похоже, сожалел, что мы на тот период временно «отступили от живописи» и погрузились в безудержный акционизм. Конечно, нам было интересно познакомиться с многообразием стилей станкового искусства наших современников – чешских живописцев, графиков и скульпторов, – хотя общий язык мы быстрее нашли с акционистами и даже участвовали осенью 1980-го в подпольном фестивале перформансов, который не был разогнан силами «Штатни Беспечности» (Чешским КГБ) только потому, что в это же время на другом конце Праги происходило собрание «хартистов»¹⁴, и основные силы, отвечающие за соблюдение госбезопасности, были брошены туда. В отношении нас власти проявили недопустимую беспечность – накануне перформанса нам пришлось ночевать на чердаке на кровати, под которой лежали куски мяса, заготовленные впрок для какого-то радикального перформанса (о том, состоялся он или нет, мы так и не узнали; возможно, его смысл был в том, чтобы оставить нас ночью с этим мясом и посмотреть, какова будет на сей счет реакция «перформансистов из России»). Естественно, нас более всего интересовал круг чешских акционистов, для которых (как нам показалось) в акциях реализовывался и «предъявлялся» зрителям только чистый момент экзистенциального проживания. Всё же остальное казалось им коррумпированным и продажным. Были даже случаи, когда художники намеренно отказывались от документации, тем самым словно говоря, что незадокументированный перформанс – это только то, что остается в памяти автора и немногих зрителей, так как «umenie neexistuje» (искусство не существует), а его фиксация в виде фото и вербального описания делает непосредственный жест, существующий здесь и сейчас, искусством, имеющим жизнь в другом времени и пространстве – музейном и историческом. Но с Индржихом мы на эти темы уже не говорили»¹⁵.

Вспоминает Н. Абалакова: «Решетки, тень решетки, тьма квадратная решеток» – часть структуры подпольного перформанса (1980) «Посвящение Праге», жестокой поэтической игре «competence-performance», исследования пределов самой свободы соотносительно кодам этой свободы, где «затасканные зерна зыбких истин» менялись местами: «все белые – сюда, а черные – туда». И эти границы несвободы (придающие, однако, художественному произведению целостность, законченность и определенность) выявляют новые коды для его непосредственного прочтения, если не прибегать ни к неприступным платоновским эйдосам, ни к расхожим и товарным изводам «русской идеи».

Сейчас многое видится по-другому. Например, некоторые совершенно потрясающие художники на долгие годы «выпали» из оптики интереса (и, стало быть, из контекста), как, например, яркий представитель магического реализма Владимир Пятницкий, отчасти оттого, что такой авторитетный культуролог как Индржих Халупецкий, скажем, «проигнорировал» эту линию, поскольку был убежден, что в России, кроме концептуализма нет ничего достойного внимания.

(Нас это не слишком интересует, так как мы занимаемся искусством, а не его историей, но такое мнение в России существует).

Но история (в том числе и искусства) как и политика не терпит такого отношения к себе: если ею не хотят заниматься, она сама «займется» вами»¹⁶.

Анатолий Жигалов указал на парадоксальную ситуацию, когда в ходе встреч обнаружилось, что обе стороны идеализируют друг друга, вкладывая в свое представление о ситуации с искусством в той или иной стране совершенно не соответствующие реальности детали.

«Халупецкий и чешские художники старшего поколения – Станислав Колибал, Честмир Кафка и другие – несмотря на трагический опыт «встречи» с Большим Братом, оставались убежденными приверженцами социалистических идей и смотрели на Россию как на родину истинного авангарда, не разъеденного рынком и не коррумпированного вопреки всему. На тему «свет с Востока» (понимаемого в этом аспекте) у нас состоялся настоящий симпозиум, подлинный пир духа в мастерской старейшего пражского художника Вацлава Боштика. Из окошка в стене таинственная рука время от времени выставляла очередной поднос с замечательным моравским красным вином и несметным количеством бутербродов, и участники духовной беседы все с большим жаром отстаивали свои позиции. Увы! Гости с Востока занимали позицию западничества, а «западные» хозяева ловили зыбкие отблески этого неуловимого «света с Востока» в самих паломниках из страны Востока»¹⁷.

На то же обращала внимание и Наталья Абалакова: «Мы уже вступили в пространство опасных игр, когда увеличивался риск очень скоро оказаться «своими среди чужих» и «чужими среди своих»: В России нас считали «западными», а на Западе – «слишком русскими»¹⁸.

Воспоминания о чехословацкой поездке пронизаны трагическими политическими подтекстами. Наталья Абалакова: «... этот ускользающий от меня Большой Пражский текст постоянно возвращал меня к невиданным и непережитым мной событиям того великого 1968 года, когда взбесившееся «означающее» ворвалось в историю в образе огненного вознесения пражского студента¹⁹, а молчаливое будущее вошло в виде танковой колонны с потушенными огнями и без опознавательных знаков»²⁰.

Анализируя эту поездку, Наталья Абалакова с сожалением отмечала: «В 1990-х другое поколение художников пыталось установить деловые и дружеские контакты с чешскими и словацкими художниками, которые несколько раньше, чем мы в России, испытали на себе воздействие «культурного империализма» в лице того самого Большого Другого, о котором у нас в 1970-х были столь идеалистические представления. Вне сомнения, их опыт не менее ценен и интересен, чем наш. К сожалению, очень немногие российские художники смогли сохранить творческие и дружеские контакты с чехами и словаками – это обидно и несправедливо. Остается лишь надеяться, что у другого поколения, не отягченного опытом тоталитаризма, ксенофобии и «евразийства», это получится. Так что не будем терять надежды и помечтаем о том, что придет время, и все мы станем (надеемся) добрыми соседями «мировой деревни»²¹.

Зимой 2009–2010 г. в Москве прошла выставка «Прочь из города. Ленд-арт. 1960–1980», на которой были представлены работы российских и словацких мастеров этого периода и материалы, запечатлевшие некоторые из упомянутых в этой статье имен.

Примечания

¹ Программа действий Коммунистической партии Чехословакии, принятой на Пленуме ЦК КПЧ 5 апреля 1968 г. / Akční program KSC prijaty na plenarnim zasedani UV KSC dne 5. dubna 1968 // Чехословакия конца 60-х годов: социализм с человеческим лицом. Реферативный сборник / Редактор-составитель Щербакова Ю.А. М., 1991. С. 123.

² «Прочь из города» Ленд-арт. 1960-1980-е. Художники из Словакии, Чехии и России. Сост. Н. Гончарова. М., 2009. С. 8–9.

³ Род. в 1941 г. в Нижнем Новгороде (Горький). Художник, переводчик. Окончила филологический факультет МГПИ (Московского Государственного Педагогического института). Живописью занимается с начала 1960-х. С 1974 г. принимает активное участие в движе-

нии художников-нонконформистов. Участник многочисленных квартирных и других выставок этого периода. Большое внимание уделялось литературной и критической деятельности.

⁴ Род. 3 декабря 1941 под Арзамасом. Окончил филологический факультет Московского Областного педагогического института им. Крупской. Поэт, художник, переводчик. Поэзией и живописью занимается с конца 1950-х гг. Поэтические самиздатские сборники регулярно выходят в 60-е – 70-е годы. С середины 1970-х печатается в русскоязычной зарубежной прессе. С 1974 г. принимает активное участие в движении художников-нонконформистов и выставляется почти на всех выставках неофициального искусства этого периода. Вместе с Н. Абалаковой один из зачинателей параллельного кино и специфического жанра кино- и видео-перформансов. Публикации: Поэзия: Самиздатские сборники 1961-78. Книга стихов 1958-78. «Континент» № 7, 1976, № 17, 1978, Париж; «Время и Мы», 1976-77, Иерусалим; «Эхо» № 1, 1981, Париж; «Русская мысль», 1977. Kulturpalast (Новая Московская поэзия и акционизм), Вупперталь, 1984; Самиздат: Журнал «37» (п/р В. Кривулина), Ленинград, 1978; «Митин журнал» № 34 (п/р Д. Волчека). Москва. 1990, «Двоеочие» № 3–4, 2002, Иерусалим. Совместно с Н. Абалаковой: «Двадцать один палец из жизни художника», Москва, 1999. «Тотарт: Русская рулетка», Ad Marginem, Москва, 1999. «Комментарий» № 20, 2002, М. («Четыре колонны бдительности»).

⁵ *Индржих Халупецкий* (чеш. Jindrich Chalupsky, 12 октября 1910, Прага – 19 июня 1990, там же) – выдающийся чешский искусствовед, теоретик литературы, поэт, переводчик, общественный деятель. Учился на врача. Работал учителем. Входил в авангардистскую Группу-42 (Иван Блатный, И. Коларж и др.), был её главным теоретиком. Редактировал журналы *Zivot* (1942–1943) и *Listy* (1947–1948). В годы социализма был, среди прочего, автором монографии о Марселе Дюшане (1975, 1978), которая распространялась в самиздате, как и его книга о дада и сюрреализме в чешском искусстве (1976). Автор многочисленных трудов по истории и теории современного искусства и литературы. Организатор выставок чешского искусства за рубежом. Составитель и редактор самиздатского сборника произведений Якуба Демла, автор монографий о чешских экспрессионистах (Р. Вайнер и др.). Жена – поэт и переводчик Иржина Хаукова (1919–2005); Халупецкий вместе с ней перевел поэму Т.С. Элиота «Бесплодная земля» (1947). В 1970-е годы активно поддерживал представителей неофициального советского изобразительного искусства – Эдуарда Штейнберга, Владимира Янкилевского, Виктора Пивоварова, Илью Кабакова, Владимира Яковлева. Продвигал их работы на Западе, знакомил русских художников с последними тенденциями в развитии мирового искусства. Написал монографию о Владимире Яковлеве (1976, вместе с Геннадием Айги). Статьи Халупецкого о современном искусстве переведены на ряд европейских языков. В 1990 г. по инициативе Вацлава Гавела была учреждена ежегодная премия имени Халупецкого, которая присуждается молодым художникам (до 35 лет). Жюри премии заседает в Праге. Собранная Халупецким коллекция живописи находится теперь в пражском музее Кампа.

⁶ «Прочь из города». Лэнд-арт. 1960-1980е. С. 43.

⁷ Указ. соч. С. 42.

⁸ Указ. соч. С. 45.

⁹ *Шубин А.В.* Диссиденты, неформалы и свобода в СССР. М., 2008. С. 276, 279.

¹⁰ *Козлов В.А.* Неизвестный СССР. Противостояние народа и власти 1953–1985. М., 2006. С. 435.

¹¹ Служба национальной безопасности ЧССР (Sbor narodni bezpecnosti, сокращенно – SNB) в тот период включала силы Общественной и Государственной безопасности. Силы Общественной безопасности (Verejna Bezpecnost или VB) – представляли из себя обычную

полицию, а Силы Государственной безопасности – Statni Bezpecnost или StB – выполняла функции, аналогичные КГБ СССР.

¹² Речь идет об И. Халупецком.

¹³ Воспоминания о 60-х и 70-х годах Галины Маневич и публикуемая ею переписка Эдуарда Штейнберга и Индржиха Халупецкого необычайно ярко воссоздают атмосферу времени. Подробнее см.: Маневич Г.И. Штейнберг и Халупецкий // Русское искусство. 2008. № 3. С. 150–162.

¹⁴ Характерной особенностью Чехословакии рассматриваемого периода было наличие в её общественной жизни политической оппозиции, которая охватывала как большинство участников событий 1968. года, так и другие слои, примкнувшие к ней позже. Она находилась в летаргическом состоянии, хотя после образования политической группы, получившей название «Хартия-77», несколько оживилась. «Хартия-77» – программный документ, ставший основанием для формирования группы политических диссидентов в Чехословакии, просуществовавшей с 1976 по 1992 г. Ее основатели (Вацлав Гавел, Иржи Динстбир, Зденек Млынарж, Иржи Хайек, Павел Когоут) стали ведущими общественными и политическими фигурами в стране после Бархатной революции 1989 г. Философ Ян Паточка, одним из первых подписавший хартию, был арестован в 1977 г. и умер на допросе. Текст хартии был составлен в 1976 г.; одним из стимулов к его созданию стал арест андеграуд-группы The Plastic People of the Universe. Первые подписи были поставлены в декабре 1976. Вместе с именами 242 подписавшихся хартия была опубликована 6 января 1977. Последовали аресты и конфискация оригинала хартии, однако ее копии продолжали циркулировать. 7 января текст хартии был размещен в нескольких крупных газетах Европы и США.

¹⁵ «Прочь из города». Лэнд-арт. 1960-1980-е. С. 42–43.

¹⁶ Указ. соч. С. 43–44.

¹⁷ Указ. соч. С. 44.

¹⁸ Указ. соч. С. 45.

¹⁹ Это был Ян Палах / Jan Palach (11 августа 1948, Вшетаты – 19 января 1969, Прага) – студент специальности «история и политическая экономия» философского факультета Карлова университета в Праге, который в знак протеста против оккупации Чехословакии войсками Советского Союза и других стран Варшавского договора 16 января 1969, облив себя бензином, совершил самоожжение близ Национального музея на Вацлавской площади в Праге. З. Млынарж в своих воспоминаниях указывает, что его могилу «распорядились убрать с центрального Ольшанского кладбища» (см. Млынарж З. Мороз ударил из Кремля. Пер. с чеш. М., 1992. С. 286).

²⁰ «Прочь из города». Лэнд-арт. 1960-1980е. С. 44.

²¹ Указ. соч. С. 46.

СССР и война в Корее: новые подходы

Егорова Н. И.

Для истории Корейской войны 2010 год является юбилейным. Как известно, она началась 60 лет назад, 25 июня 1950 г., и продолжалась до подписания 27 июля 1953 г. перемирия командованием северокорейских войск, представителем китайских добровольцев и командованием интернациональных сил ООН. Однако до сих пор применительно к войне в Корее используются такие определения, как «забытая» война, «засекреченная» война, что связано и с состоянием исторической памяти об этой первой локальной горячей войне, в которой противостояли друг другу главные военно-политические противники в глобальной холодной войне, и с далеко не полной открытостью архивных документов. Получило также довольно широкое распространение и определение Корейской войны как «великой ограниченной войны»¹. Ведь участниками данной войны была заплачена очень высокая цена. По числу жертв она уступала только двум мировым войнам. Но если в США в 1995 г. был открыт мемориал, посвященный войне в Корее, то в современной России подобного мемориала пока не существует. И ветераны Корейской войны говорят об этом с большим сожалением.

В российском научном сообществе не проводилось специальных конференций, посвященных очередной юбилейной дате с момента начала войны в Корее. Однако появившееся значительное число публикаций в СМИ и в Интернете свидетельствует как об актуальности этой темы в изучении международных отношений XX века, и в частности истории холодной войны, так и о существовании все еще значительного количества «белых пятен» в исследовании хода и исхода Корейской войны, порождающих различные ее интерпретации.

В данном сообщении автором ставились следующие задачи. Во-первых, показать, как постепенное открытие российских архивов отражалось на изучении войны в Корее в современной отечественной историографии. Во-вторых, на конкретном примере продемонстрировать, какую важность представляет новый документ для корректировки интерпретации событий. И в заключение – обратиться к вопросу о том, насколько новые рассекреченные документы расширяют наше знание о влиянии войны в Корее на дальнейшую эволюцию холодной войны.

Для современной историографии Корейской войны важным рубежом явилось рассекречивание в начале 1990-х годов большого массива документов по данному вопросу из Архива Президента Российской Федерации. Передача Борисом Ельциным части этой коллекции документов властям Республики Корея (во время визита российского президента в Южную Корею в 1963 г. и ответного визита президента Ким Янг Сэма в Москву в июне 1994 г.) положила начало доступа исследователей к ряду рассекреченных материалов. Однако наибольшие возможности предоставила реализация соглашения между Центром по исследованию Кореи Колумбийского университета (Center for Korean Research of Columbia University), Проектом по международной истории Холодной войны Центра Вудро Вильсона (Cold War International History Project of the Woodrow Wilson Center) и Дипломатической Академией МИД РФ (Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation). В результате этого соглашения копии рассекреченных документов поступили в Архив национальной безопасности (National Security Archive) при университете Дж. Вашингтона для широкого пользования.

Что касается непосредственно российских специалистов, то с 1995 г. некоторые из них получили возможность работать с частью коллекции рассекреченных документов Архива Президента. Это позволило пересмотреть многие традиционные взгляды. Однако ограниченность доступа в этот архив, а также повторное засекречивание документов по Корее, которые находятся в личном фонде Сталина и переданы в Российский государственный архив социально-политической истории, значительно затрудняют исследование. В то же время в

распоряжении историков находятся недавно рассекреченные «Особые папки Политбюро ЦК ВКП(б)», рассекреченные материалы Архива внешней политики РФ, в некоторой части дублирующие документы Архива Президента. К сожалению, рассекреченные документы Центрального Архива Министерства обороны весьма немногочисленны, не говоря уже о недоступности Архивов ФСБ, Службы внешней разведки, которые могли бы пролить свет на все еще малоизвестные страницы войны в Корее, в частности, на роль разведки. Вместе с тем могут оказаться весьма полезными фонды секретариатов Совета Министров в Государственном архиве РФ, а также коллекции документов а Государственном архиве экономики (Государственный Комитет планирования, Министерство финансов СССР и др.).

Таков в целом тот круг документов, на котором базировались работы российских исследователей о войне в Корее в последнее десятилетие. Необходимо также иметь ввиду и использование российскими специалистами первых появившихся в России и за рубежом в 1995–1998 гг. публикаций рассекреченных российских документов в различных изданиях.

Не останавливаясь подробно на анализе современной российской историографии войны в Корее, хотелось бы отметить основные концептуальные положения, сформировавшиеся с учетом открывшихся новых документальных свидетельств и научных трудов. Следует признать, что на сегодняшний день в России, в отличие от зарубежной историографии, опубликовано мало новых монографических исследований о войне в Корее. Но эта трагическая страница истории холодной войны отнюдь не забыта, хотя во многом все еще засекречена. Различные аспекты данной проблемы, ее последствия и уроки освещаются в статьях, сборниках, главах коллективных трудов.

Наиболее комплексно новые подходы российских историков представлены в широко используемой специалистами книге А.В. Торкунова «Загадочная война: корейский конфликт 1950–1953 годов», которая была опубликована в 2000 г. и затем переведена на английский, корейский и японский языки². Она представляет собой документальную историю войны в Корее, написанную на основе тех самых рассекреченных документов Архива Президента, о которых говорилось выше, и развивающую новые взгляды, лишь намеченные в книге того же автора, изданной в 1995³. Позволяя фактам говорить за себя, Торкунов обоснованно отвергает устоявшийся в советской историографии взгляд относительно того, что наступление 25 июня 1950 г. началось с Юга. В то же время автор счел необходимым подчеркнуть тот факт, что и в Южной Корее шла подготовка к объединению страны силой. Обе стороны были настроены весьма решительно и преследовали свои внутривосточные и националистические интересы, поэтому изначально война в Корее носила характер гражданской войны. В данной работе Торкунов также дает ответ на все еще дискутируемый вопрос о роли Москвы в начале агрессии. Он детально проследил эволюцию позиции Сталина в отношении идеи Ким Ир Сена объединить Северную и Южную Корею военно-силовым путем. Если в 1949 г. Сталин негативно отнесся к предложению Кима, то в конце января 1950 г. он ее поддержал.

Подход Торкунова, совпадающий со многими концепциями зарубежной историографии, в настоящее время разделяет большинство российских специалистов по Корее и историков холодной войны. Так, новый взгляд на историю Корейской войны представлен в рассчитанной на более широкий круг читателей и носящей очерковый характер книге И.М. Попова, С.Я. Лавренова, В.Н. Богданова «Корея в огне войны»⁴. Опираясь на рассекреченные документы и зарубежные публикации, авторы стремятся представить непредвзятую картину генезиса и развития конфликта на Корейском полуострове. В книге также затрагивается вопрос о подготовке к военным действиям не только на Севере, но и на Юге.

Однако как показывают другие публикации, чрезмерное акцентирование подрывной деятельности и военных приготовлений в Южной Корее, подводит к выводам о «неоднозначности» ответа на вопрос об инициаторе Корейской войны, что вольно или невольно ведет к

затушевыванию ответственности Северной Кореи за начало агрессии. Широко привлекая все документальные свидетельства относительно ситуации в Южной Корее, представители данного подхода фокусируют внимание на активных военных приготовлениях к силовому решению корейского вопроса на Юге. В этой связи отмечаются такие факты, как алармистские высказывания Ли Сын Мана накануне войны, а также участвовавшие вооруженные столкновения сторон в районе 38 параллели, которые приняли форму настоящих сражений летом и осенью 1949 г. (особенно в районе Онджина). Сторонники этой интерпретации (которую, по их мнению, в американской историографии представляет Брюс Камингс⁵) критикуют тезис о «неожиданности» для Южной Кореи нападения с Севера. Они ссылаются на мероприятия по укреплению обороноспособности южнокорейской армии и на другие факты, в частности на донесения советского посла генерала Т.Ф. Шлыкова от 20 июня 1950 г. (относительно перехваченного с Юга приказа о начале атаки против Севера в 23.00) и от 21 июня (об информированности Сеула о готовящемся наступлении Корейской народной армии). В целом они полагают, что каждая из сторон стремилась подтолкнуть другую к началу войны, чтобы снять с себя ответственность за ее развязывание.

Один из активных сторонников данного подхода, известный исследователь истории Кореи Ю.В. Ванин высказал эту позицию еще в 2000 г. И он продолжает ее придерживаться в новой книге⁶, подробнее о которой будет сказано чуть позже. Ванин исходит из тезиса, что поскольку война была неизбежна, то не столь важно, кто ее начал, но очень важно *учитывать фактор массированного внешнего вмешательства* (курсив мой – Н.Е). Именно интернационализация конфликта стала причиной затягивания Корейской войны на долгие годы⁷. Иными словами, по мнению Ванина, война в Корее состоит как бы из двух войн. Первую начали «две правящие элиты» разделенной Кореи, а вторая – «дело рук внешних сил»⁸.

Оставляя в стороне спорные положения этой концепции, нельзя не согласиться с автором, что в столкновении двух сверхдержав на Корейском полуострове собственно корейские интересы были отодвинуты на задний план. В неоднократно опубликованной за последние годы беседе Сталина с Чжоу Эньлаем 20 августа 1952 г. советский лидер, настаивая на продолжении войны ради ослабления престижа США, их глубокого вовлечения в дела Дальнего Востока и отдаления мирового конфликта, которого он опасался все послевоенное десятилетие, отметил: «Северокорейцы ничего не потеряли, кроме жертв, которые они понесли в этой войне». И далее: «Конечно, надо понимать корейцев – у них много жертв. Но им надо разъяснить, что это дело большое»⁹.

В свете новых документов все больше проясняется вопрос об истории переговоров о перемирии в Корее, которые официально начались 10 июля 1951 г. в Кэсоне. Несмотря на недостаточность документов, чтобы в полном объеме осветить как предысторию мирных инициатив, начало которых относится к июлю 1950 г., так и секретные переговоры представителей СССР, Великобритании и США с участием известного дипломата и историка Джорджа Кеннана, а также неоднозначную позицию и инициативы китайского руководства, этот вопрос отличается наибольшей согласованностью мнений. Исследователями отмечается заинтересованность Сталина, озабоченного ситуацией в Европе, в том, чтобы США как можно дольше были вовлечены в конфликт на Дальнем Востоке. Обращается внимание на амбиции как СССР, так и США, не желавших первыми предлагать перемирие. Подчеркивается решающее значение поворота во внешней политике СССР после смерти Сталина и влияние протестного движения в различных странах мира против Корейской войны.

Освещение военных аспектов войны в Корее в основном представлено исследованием действий ВВС с обеих сторон. Однако особенное внимание уделено советской истребительной авиации, главную ударную силу которой составляли самолеты МиГ-15 и МиГ-15 бис. В Корейской войне участвовало около 70 тыс. личного состава советских ВВС¹⁰. Значительный вклад в

освещение данного вопроса внесли работы А.С. Орлова¹¹, как участника событий и известного военного историка. Также надо отметить труды В.А. Гаврилова и выпущенные в 2006–2007 г. книги И. Сейдова (в том числе в соавторстве с Ю. Сутягиным, сыном известного аса Николая Сутягина, сбившего 22 американских самолета)¹². Помимо помощи в небе Кореи с учетом не только новых документов, но и мемуарных свидетельств российскими исследователями в цифрах показаны большие объемы другой советской военно-технической помощи Северной Корее и КНР. Эта помощь ложилась тяжелым бременем на разрушенное Второй Мировой войной народное хозяйство СССР. Документально также подтверждается, что Сталин всячески дистанцировался от вовлечения других родов советских вооруженных сил в корейский конфликт, чтобы не спровоцировать начало большой войны с США. Советским военным советникам разрешалось действовать только при штабах северокорейской армии и войск китайских добровольцев. Тем не менее из-за опасения перерастания конфликта в мировую войну на границах с КНДР в боеготовности находилось 5 советских бронетанковых дивизий и 5-ый и 7-ой Тихоокеанский флот СССР в Порт-Артуре.

Новым взглядом отмечено и исследование роли ООН в Корейской войне. Этой проблеме посвящена уже упоминавшаяся монография Ю.В. Ванина «Корейская война (1950–1953) и ООН», которая вышла в свет в 2006 г. На основе рассекреченных документов Архива внешней политики, документов партийных архивов и уже опубликованных документальных свидетельств автор освещает роль ООН как главного инструмента трансформации локального конфликта в международный. Иными словами, вопреки миротворческим функциям ООН, она предстает в Корейской войне как воюющая сторона¹³. В этой связи значительное внимание Ванин уделил политике США в корейском вопросе, их инициативе вмешательства во внутрикорейский конфликт с учетом проамериканского соотношения сил в ООН в тот период. Касаясь все еще спорного вопроса о неучастии советского представителя в Совете Безопасности Якова

Малика, когда принимались резолюции Совета Безопасности 25 и 27 июня 1950 г., с которых началось прямое вмешательство ООН во внутрикорейский конфликт, Ванин однако не вносит ясности в этот вопрос. Он лишь ограничивается замечанием о том, что Москва выжидала дальнейшего развития событий в Корее и в ООН¹⁴.

В связи с этим вопросом хотелось бы обратиться к тем конкретным примерам, которые показывают, сколь важны новые документы в реконструкции полной картины войны в Корее. Касаясь вопроса о причинах неучастия советского представителя в работе Совбеза в критический момент, сошлемся на весьма важный документ, который был опубликован в журнале «Новая и новейшая история» в 2005 г. А.М. Дедовским, внесшим свой вклад в качестве дипломата и историка в изучение Корейской войны. Речь идет об ответе Сталина президенту Чехословакии К. Готвальду, который в беседе с советским послом в Праге выразил сомнение в целесообразности неучастия представителей «лагеря демократии» в работе Совета Безопасности 27 июня 1950 г. Сталин ответил Готвальду только 27 августа, когда наступление сил Северной Кореи развивалось весьма успешно и у «хозяина» Кремля окончательно выкристаллизовалось обоснование политики СССР в Корейской войне. В качестве двух первых целей неучастия советского представителя в работе Совета Безопасности Сталин называл продолжение политики обструкции по причине солидарности СССР с КНР ввиду того, что США поддерживали незаконное представительство Гоминьдана в Совете Безопасности. Еще одним оправданием являлось стремление Кремля сделать «незаконным» решение Совета Безопасности из-за отсутствия двух великих держав, т. е. СССР и КНР. И, наконец, по словам Сталина, уход советского представителя из Совета Безопасности дал возможность США начать интервенцию в Корее, где они растрачивают свой моральный престиж, выступая в роли агрессора, а также демонстрируют слабость в военном отношении. Конечно, в этих словах присутствовала про-

пагандистская риторика. Однако далее Сталин дал оценку американскому участию в войне в Корее с точки зрения «баланса мировых сил», указывая на следующие выгоды для социалистического блока. Прежде всего это то, что военная интервенция на Дальнем Востоке отвлекла США от Европы. Не исключая возможность втягивания Китая в войну в Корее, Сталин прогнозировал вероятность того, что Америка надорвется в борьбе со столь сильным противником и «будет неспособна в ближайшее время на третью мировую войну»¹⁵. Тем самым война будет отложена на неопределенный срок, а это даст дополнительное время для укрепления социализма в Европе и «революционизирует» всю Дальневосточную Азию. Опираясь на данное свидетельство, можно полагать, что после интернационализации регионального конфликта советский вождь надеялся извлечь из него определенные политические дивиденды в разворачивавшейся глобальной холодной войне. Высказанные советским лидером в августе 1950 г. «плюсы» вовлечения США в войну в Корее почти дословно повторялись в суждениях Сталина во время уже упоминавшейся мной его беседы с Чжоу Эньлаем 20 августа 1952 г.

Еще одним примером важности документальной реконструкции является вопрос о вступлении Китая в войну. В силу труднодоступности архивов КНР данный аспект войны в Корее вызывает противоречивые интерпретации. Это наглядно демонстрирует опубликованная в Бюллетене Проекта по международной истории холодной войны за 1995–1997 гг. полемика между американским исследователем А. Мансуровым, опиравшимся на документы Архива Президента РФ, и китайским исследователем Шей Жихуа (Shen Zhihua), который оперировал китайскими документами. Мансуров писал о том, что к середине октября 1950 г. китайское руководство весьма неохотно приняло решение о посылке добровольцев в Корею¹⁶. Китайский же ученый приводил убедительные доказательства наличия желания самого Мао Цзэдуна положительно откликнуться на письмо Сталина от 1 октября 1950 г., передающего просьбу Ким Ир Сена оказать КНДР помощь военной силой, и отсутствие консенсуса по этому вопросу в начале октября в самом Политбюро Коммунистической партии Китая.

В работе Торкунова приводятся свидетельства о том что и в 1949 г., и в мае 1950 г. Мао одобрял решение Ким Ир Сена о наступлении на Юг и обещал поддержку, а после начала войны связывал ее реализацию с опасностью в случае перехода противником 38 параллели, что и случилось в начале октября. Однако и в этом комплексном документальном исследовании имеются лакуны и нестыковки, затрудняющие понимание как позиции КНР после успешной операцией ооновских сил в Инчхоне 15 сентября и наступлении на Пхеньян, так и принятых Сталиным в течение 12–13 октября решений об эвакуации корейских войск на север. Т. е. это был фактический отказ от продолжения сопротивления КНДР, а затем последовала срочная отмена этих решений после согласия ЦК КПК предоставить военную помощь Северной Корее. Опубликованные в 2005 г. Дедовским документы, о которых я уже говорила, наряду с его воспоминаниями и интерпретацией, помогают восстановить реальный ход событий.

Из впервые опубликованной переписки Мао Цзэдуна, Сталина и Ким Ир Сена в период 7–9 октября 1950 г. становится очевидным, что в эти дни китайское руководство приняло долгожданное решение о направлении китайских добровольцев в Северную Корею, выдвигая при этом условия авиаприкрытия со стороны СССР и других видов военной помощи КНР. В телеграмме Мао Сталину от 8 октября также сообщалось, что Ким Ир Сен уже информирован о посылке китайской добровольческой армии в Корею. Однако как следовало из совместной телеграммы Сталина и Чжоу Эньлая, приехавшего в СССР для переговоров, которая была направлена Мао 11 октября, состоявшийся обмен мнениями привел к «единодушным выводам» о том, что «китайским войскам не следует переходить границы Китая»¹⁷. Мотивировалось это решение неподготовленностью китайских войск. Мао Цзэдун одобрил принятые решения, включая рекомендации относительно эвакуации Пхеньяна и других важных пунктов южнее горного района Северной Кореи. Часть войск должна была перейти на партизанское

положение. Как следовало из дополнительной телеграммы Мао Сталину, он приказал китайским войскам «прекратить исполнение плана перехода в Корею»¹⁸. В телеграмме Сталина на имя советского посла и главного военного советника Васильева от 12 октября содержались указание информировать Ким Ир Сена о решении совещания представителей Политбюро ЦК ВКП(б) и китайского ЦК и указания о начале эвакуации. Причем из этого документа выясняется, что рекомендации относительно эвакуации были приняты именно после неутешительного доклада Чжоу Эньлая о состоянии китайских войск и единодушного вывода, что Китай может оказать помощь только через 6 месяцев, которая станет явно запоздалой. Следует отметить, что вероятно 12 октября Ким Ир Сен получил еще одну телеграмму от Сталина, где раздосадованный вождь сообщал, что китайцы «вновь отказались послать войска» и сообщал о необходимости эвакуации из Северной Кореи. Об этом можно судить по копии документа из Архива Президента, написанного рукой Сталина, и по ссылкам в книге Торкунова. Однако ночью 13 октября Мао Цзэдун сообщил новому советскому послу Рошину о пересмотре китайским руководством предыдущего решения и о желании помочь корейцам. В первую очередь, это объяснялось усилившейся угрозой национальной безопасности КНР, а также более ранними обещаниями Мао военной поддержки, без которых, вполне возможно, Ким Ир Сен не решился бы на объединение Кореи силовым путем.

И наконец, кратко коснемся тех вопросов о влиянии Корейской войны на глобальную конфронтацию, которые прослеживаются по документальным свидетельствам. Подготовленный в 1950-е годы под грифом секретности и опубликованный только в 2000 году большой аналитический труд «Война в Корее. 1950–1953»¹⁹ подтверждает тот факт, что боевые операции в Корее предоставили возможность и СССР, и США существенно дополнить имевшуюся у них информацию о состоянии вооружений противника, о новых видах военной техники, об организации вооруженных сил и развитии оперативно-тактической мысли за годы, прошедшие после окончания Второй Мировой войны. Иными словами это была разведка боем. Значительную роль в советской разведывательной деятельности имели радиоперехват, в том числе и с помощью ВМФ.

Так, фактом, свидетельствующим о разведывательной деятельности Тихоокеанского ВМФ, является шифротелеграмма военно-морского министра и Главнокомандующего ВМФ СССР И.С. Юмашева Сталину от 10 февраля 1951 г. Адмирал Юмашев докладывал, что «по донесению разведки 5 ВМФ от 9 февраля с.г., с 7 февраля в радиосети ВМС США на Дальнем Востоке сильно увеличился радиообмен шифром между командующим военно-морскими силами США на Дальнем Востоке, командирами 90 (десантного) соединения и подчиненных ему командиров 1, 2, 6 и 7 оперативных групп, 77 (авианосного) соединения, 95 соединения кораблей огневой поддержки, 10 армейского корпуса и 1 дивизии морской пехоты... Изложенное дает основание предполагать о подготовке американским командованием десантной операции на западном побережье Кореи»²⁰. Последнее, однако, не было осуществлено.

Вообще разведка являлась важной составляющей частью боевых действий обеих сторон в Корейской войне, и по закону «игры с нулевой суммой», которому следовала логика холодной войны, действие рождало противодействие. Поэтому не вызывает сомнений, что советское военно-политическое руководство, имея сведения о военно-морской разведке силами авиации ВМС США и Великобритании, которая велась не только с целью своевременного выявления состава, районов базирования и характера действий кораблей Военно-Морского Флота КНДР, но и «выявлению состава и районов базирования военно-морских сил Советского Союза на Дальнем Востоке»²¹, не могло не предпринимать адекватных мер в интересах собственной национальной безопасности и помощи своим союзникам в войне в Корее²².

О том, что война в Корее сопровождалась большой разведывательной работой, пишет и В.Г. Кикнадзе в опубликованной в 2009 г. статье «Разведка США в период войны в Корее.

1950–1953 гг.»²³. Война в Корее побудила США к созданию новой, более эффективной разведывательной структуры – Агентства национальной безопасности.

Война в Корее стимулировала милитаризацию холодной войны. Доступные документы показывают, например, что в 1951–1952 гг. в СССР были приняты постановления и проведены мероприятия по развитию военного судостроения, поскольку в ходе боевых действий выявилось значительное превосходство американских военно-морских сил.

Война в Корее также способствовала дальнейшему развитию блоковой политики. Как известно, на Западе война в Корее ускорила создание армии НАТО в 1951 г. Но если обратиться к постановлениям Политбюро ЦК ВКП(б), принятым осенью 1950 г. и в 1951 г., то они свидетельствуют об увеличении поставок трофейного оружия и другого оружия, а также боеприпасов для сухопутных и морских полицейских формирований ГДР, о подготовке кадров для восточногерманских «воздушных полицейских формирований»²⁴. Таким образом, создавался костяк армии ГДР. В 1951 г. Политбюро утвердило очень важное постановление Совета Министров СССР «Об организации воздушной обороны государственных границ СССР». Это постановление было призвано усилить обороноспособность и безопасность не только Советского Союза, но и Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии, создав в странах «народной демократии» службы наблюдения и оповещения, тесно связав их со службой приграничных районов воздушной обороны государственных границ СССР²⁵. После создания в январе 1951 г. Военно-координационного Комитета для обеспечения восточноевропейских армий военным снаряжением и решения вопросов специализации союзников СССР в производстве некоторых видов вооружений был сделан важный шаг на пути к созданию Организации Варшавского Договора.

В заключении необходимо подчеркнуть, что только совместными усилиями добиваясь рассекречивания архивных документов всех сторон, участвовавших в Корейской войне, и опираясь на результаты уже проделанной коллегами работы, российские исследователи смогут достичь сбалансированной и всеобъемлющей картины событий в Корее, последствия которой присутствуют в лице двух Корейских государств как зримое наследие эпохи холодной войны. Более того, со стороны КНДР на повестку дня выносятся вопросы о заключении мирного договора, поскольку Корейская война завершилась только соглашением о перемирии. Администрация Барака Обамы готова обсудить возможность заключения мирного договора, который официально положит конец корейскому конфликту, но при условии демонтажа северокорейской ядерной программы.

Примечания

¹ Пак М.Н. Великая ограниченная война // Аргументы и факты, 1988, № 50. С. 5; Орлов А.С., Гаврилов В.А. Тайны Корейской войны. М.: «Вече», 2003. С. 7.

² Торкунов А.В. Загадочная война: корейский конфликт 1950–1953 годов. М.: Росспэн, 2000.

³ Торкунов А.В., Уфимцев Е.П. Корейская проблема: новый взгляд. М.: Издательский центр «Анкил», 1995. С. 11–34.

⁴ Попов И.М., Лавренов С.Я., Богданов В.Н. Корея в огне войны. М.: «Кучково поле», 2005.

⁵ Cumings Bruce. The Origins of the Korean War. Vol. II. The Roaring of the Cataract. 1947–1950. Princeton (New Jersey), 1990.

⁶ Ванин Ю.В. Корейская война (1950–1953) и ООН. М.: ИВ (Институт востоковедения), 2006.

⁷ См. *Ванин Ю.В.* Некоторые вопросы предыстории и начала Корейской войны // Война в Корее 1950–1953 гг.: Взгляд через 50 лет. Материалы международной научно-теоретической конференции. М.: РОО «Первое Марта», 2001. С. 21, 23, 24, 26–29.

⁸ *Р.В. Савельев.* Исследования советских и российских ученых о Корейской войне 1950–1953 гг. // Там же. С. 220.

⁹ *Ледовский А.М.* СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участника событий: 1937–1952. М.: «Памятники исторической мысли», 1999. С. 160–161.

¹⁰ *В.Ф. Ли (Ли УХе).* Политика супердержав (США, СССР и КНР) в Корейской войне // Война в Корее 1950–1953 гг.: Взгляд через 50 лет. С. 56.

¹¹ *Орлов А.С.* Тайная битва сверхдержав. М.: «Вече», 2001. С. 174–249; Орлов А.С., Гаврилов В.А. Тайны Корейской войны.

¹² *Сейдов И., Сутягин Ю.* Гроза «Сейбров». Лучший ас Корейской войны. М.: Яуза; Эксмо, 2006; Сейдов И. «Красные дьяволы» в небе Кореи. Советская авиация в войне 1950–1953 гг. Хроника воздушных сражений. М.: Яуза; Эксмо, 2007.

¹³ *Ванин Ю.В.* Корейская война (1950–1953) и ООН. М.: ИВ (Институт востоковедения), 2006. С. 6.

¹⁴ Указ. соч. С. 87.

¹⁵ *Ледовский А.М.* Сталин, Мао Цзэдун и Корейская война 1950–1953 гг. // Новая и новейшая история. 2005. № 5. С. 97.

¹⁶ *Mansourov A. Y.* Stalin, M, Kim and China Decision to Enter the Korean War, September 16–October 15, 1950 New Evidence from the Russian Archives // CWIHP Bulletin. Issues 6–7. Winter 1995/1996. P. 94–107; Shen Zhihua. The Discrepancy Between the Russian and Chinese Versions of Mao's 2 October 1950 Message to Stalin on Chinese Entry into the Korean War: A Chinese Scholar's Reply // CWIHP Bulletin. Issues 8–9. Winter 1996/1997. P. 237–242.

¹⁷ *Ледовский А.М.* Сталин, Мао Цзэдун и Корейская война 1950–1953 гг. // Новая и новейшая история. 2005. № 5. С. 108–109.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Война в Корее. 1950–1953. Санкт-Петербург: «Полигон», 2000.

²⁰ *Торкунов А.В.* Загадочная война: корейский конфликт 1950–1953 годов. С. 142.

²¹ Война в Корее. 1950–1953. С. 502.

²² См.: *Смолянников С.* Забытые тайны Корейской войны // <http://morgopolit.milportal.ru/sergei-smolyannikov-zabytye-tajny-korej-skoj-vojny>

²³ *Кикнадзе В.Г.* Разведка США в период войны в Корее. 1950–1953 гг. // Вопросы истории. 2009. № 9. С. 121–131.

²⁴ Российский архив социально-политической истории – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 44. Л. 42. (постановление Политбюро от 6.IX. 1950); там же. Д. 47. Л. 16, 148–149 (постановление Политбюро от 3.XI. 1951 г.; приложение к и. 377 от 15 XI. 1951 г. (оп.) пр. ПБ № 84).

²⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 46. Л. 160, 166 (приложение к и. 456 (оп.) пр. ПБ № 83).

Постановление ЦК и СМ СССР «О судах чести в министерствах СССР и центральных ведомствах» 28 марта 1947 г.

Есаков В.Д.

С начала 1990-х гг., вслед за рассекречиванием архивных фондов, проведена серьезная исследовательская работа, позволившая наметить новые направления исторического изучения и ввести в научный оборот важнейшие комплексы документальных источников.

В расширяющемся процессе исторического познания большое внимание привлек феномен создания и деятельности судов чести в 1947–1948 гг. Их появление и функционирование неразрывно связаны с процессами утверждения идеологического диктата в стране, вторжения в систему сложившихся в результате Великой Победы воззрений, насаждения единомыслия в оценке происходящих в стране событий и «воспитания» интеллигенции на основе неукоснительного признания правоты проводимого политического курса.

Впервые упоминание и первые ссылки на архивные документы об организации судов чести появились на страницах журнала «Известия ЦК КПСС» в 1990 г.¹ Рассмотрение историками их деятельности началось после публикации нами в журнале «Кентавр» в 1994 г. «Закрытого письма ЦК ВКП(б) по делу профессоров Ключевой и Роскина»². В дальнейшем архивные материалы о судах чести стали составной частью таких привлечших внимание изданий как «Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953» (М., 2002) и «Сталин и космополитизм» (М., 2005).

К настоящему времени основные итоги изучения этой темы подведены в нашей с доктором биологических наук, главным научным сотрудником Института истории естествознания и техники имени С.И. Вавилова РАН Е.С. Левиной работе о сталинских судах чести и деле «КР», вышедшей в 2001 г. в издании ПРИ РАН и 2005 г. в издательстве «Наука»³ и книге историка науки, зоолога по образованию, Кременцова Н.Л. «В поисках лекарства против рака: Дело «КР», изданной в 2004 г. в Санкт-Петербурге в Издательстве Русской христианской гуманитарной академии. Это русский перевод его книги, вышедшей первоначально на английском языке в 2002 г. в издательстве Чикагского университета⁴. О судах чести упоминается в работах о послевоенном периоде развития СССР, среди которых следует назвать прежде всего книги сотрудников ПРИ РАН Е.Ю. Зубковой «Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953», А.В. Фатеева «Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954» и Ю.Н. Жукова «Тайны Кремля...»⁵.

Исторический феномен создания и деятельности судов чести неразрывно связан с процессом утверждения идеологического диктата в стране.

Известные постановления ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам 1946 г. стали основой «жесткого» курса, проводимого в СССР, который предполагалось распространить и на работников государственного аппарата. К тому же вскоре стало ясно, что постановления по идеологии затронули сравнительно узкий круг военных и творческой интеллигенции, не обеспечили массового внедрения сталинского отношения к пониманию происходящих в стране и мире событий и политически себя не оправдывали. Тогда в начале марта 1947 г. А.А. Ждановым было поручено Управлению кадров ЦК ВКП(б) подготовить постановление о судах чести. 15 марта 1947 г. ответственные работники Управления кадров Андреев и Бакатин писали секретарю ЦК ВКП(б): «В дореволюционной России не существовало каких-либо судов в гражд-

данских учреждениях, преследующих цель общественного воздействия. Исключение составляли только офицерские суды чести, действовавшие в армии».

Иначе обстоит дело с организацией различных общественных судов в условиях советского строительства. Начиная с 1919 г. по 1930 г. организуются различные общественные суды. Так, в ноябре 1919 г. Совнаркомом РСФСР было учреждено «Положение о дисциплинарных товарищеских судах», которое действовало с некоторыми изменениями до апреля 1923 г. и было отменено в связи с введением Кодекса законов о труде в СССР.

В июне 1923 г. ВЦИК и СНК СССР было утверждено «Положение о дисциплинарных судах» для борьбы со служебными упущениями, проступками и неправильными действиями лиц, занимающих ответственную должность в государственных органах. Эти дисциплинарные суды образовывались при всех исполнительных комитетах, кроме волостных. При ВЦИК действовал Главный дисциплинарный суд.

Дисциплинарный суд помимо обычных административных мер воздействия имел право налагать домашний арест на срок от 3 суток до 1 месяца, лишать права до двух лет занимать руководящие должности в государственных органах, увольнять от должности, обязывать виновных заглаживать причиненный ущерб. Дисциплинарный суд существовал до мая 1928 года.

ВЦИКом были изданы постановления в декабре 1929 г. «О товарищеских судах на фабрично-заводских предприятиях, государственных, общественных учреждениях и предприятиях», в сентябре 1930 г. постановление «Об организации сельских судов», в июне 1931 г. совместно с Совнаркомом РСФСР было издано постановление «Об организации товарищеских судов при жилищных и жилищно-арендных кооперативных товариществах и при домовых трестах». С некоторыми изменениями эти постановления сохранили силу и после окончания войны.

«Наиболее важное значение для работы советских учреждений в смысле борьбы со всякого рода проступками и нарушениями, – писали разработчики проекта, – были, конечно, дисциплинарные суды. Но эти суды страдали тем недостатком, что они не были рассчитаны на общественное воздействие, так как ни в организации судов, ни при решении вопросов о дисциплинарной ответственности коллектив сотрудников данного учреждения никакого участия не принимал».

Работники Управления кадров ЦК советовались по этому вопросу с некоторыми работниками министерств и с рядом военных работников. При обсуждении проекта о судах чести в министерствах и ведомствах были высказаны некоторые соображения. Так, относительно названия суда было предложено именовать суды, создаваемые в министерствах и ведомствах, судами служебного достоинства. Поскольку эти суды создаются для оперативных работников министерств, то получается, что на технических служащих понятие о чести в известном смысле как бы не распространяется. Поэтому предлагалось организовать в министерствах и ведомствах не один суд чести, а два: один для руководящего состава министерств (начальников управлений и отделов, их заместителей, членов коллегии министерств), а другой для остального оперативного состава работников. У разработчиков проекта спорным оставался вопрос о том, кто имеет право направлять дела в суд чести. Было высказано предложение, что право направления дел в суд чести следует предоставить, кроме руководителей ведомств и их заместителей, еще общественным организациям данного ведомства, центральным профсоюзным органам, Министерству госконтроля и судебно-прокурорским органам⁶.

Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) «О создании судов чести в министерствах СССР и центральных ведомствах» было принято 28 марта 1947 г. и подписано И.В. Сталиным и А.А. Ждановым⁷. Предложенные замечания учтены не были. Суды чести создавались «в целях содействия делу воспитания работников государственных органов в духе советского патриотизма и преданности интересам советского государства и высокого сознания сво-

его государственного и общественного долга, для борьбы с проступками, роняющими честь и достоинство советского работника». На суды чести возлагалось рассмотрение антипатриотических, антигосударственных и антиобщественных поступков и действий, совершенных руководящими, оперативными и научными работниками министерств СССР и центральных ведомств.

Суды чести были созданы на один год, проходили в условиях строжайшей секретности и были направлены на внедрение сталинской идеологии в сознание наиболее дееспособной части населения страны – работников партийно-государственного аппарата, руководящего состава промышленности и армии, научной и технической, а не только художественной интеллигенции, включая преподавателей высшей школы и актив комсомола.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.